

DOI 10.23859/1994-0637-2020-3-96-3

УДК 811.161.1

© Ильина Е. Н., Тиво В. С., 2020

Ильина Елена Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

Ilyina Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
ORCID 0000-0002-1797-8959
E-mail: filfak@list.ru

Тиво Виолетта Сергеевна

Преподаватель,
Устьянский индустриальный техникум
(п. Октябрьский, Архангельская область,
Россия)
ORCID 0000-0001-9459-0352
E-mail: vita.tivo@mail.ru

Tivo Violetta Sergeevna

Lecturer,
Ustyansky Industrial Technical School
(Oktyabrsky, Arkhangelskaya oblast',
Russia)
ORCID 0000-0001-9459-0352
E-mail: vita.tivo@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА
АНТАГОНИСТА: ОТ БЫЛИНЫ К
МУЛЬТФИЛЬМУ**

**VERBALIZATION OF THE
ANTAGONIST IMAGE: FROM THE
BYLINA TO THE ANIMATED FILM**

Аннотация. Статья исследует интертекстуальные связи русских былин и анимационных фильмов о русских богатырях арт-студии «Мельница» («Алеша Попович и Тугарин Змей» (2004), «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» (2006), «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» (2007)), выявляя соотношение традиций и инноваций в речевой репрезентации образов антагониста.

Abstract. The article explores the intertextual relations of Russian bylinas and animated films about Russian bogatyrs from the animation producer "Melnitsa" ("Alyosha Popovich and Tugarin Zmey" ("Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent") (2004), "Dobrynya Nikitich i Zmey Gorynych" ("Dobrynia Nikitich and the Serpent Gorynych") (2006), "Ilya Muromets i Solovey Razboynik" ("Ilya Muromets and Nightingale the Robber") (2007)), revealing the correlation of traditions and innovations in the verbal representation of the antagonist images.

Ключевые слова: лингвофольклористика, когнитивная лингвистика, лингвистика медиа

Keywords: linguistic folklore, cognitive linguistic, linguistics of media

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00082 «Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивные и языковые механизмы»).

Введение

Языковые особенности медийных текстов с фольклорной прецедентной основой активно изучаются в современной лингвистике¹. Предметом нашего внимания оказались мультипликационные фильмы «богатырского» цикла арт-студии «Мельница», сюжетная основа и система персонажей которых достаточно явно соотносятся с былинами об Илье Муромце², Добрыне Никитиче³ и Алеше Поповиче⁴, повествуя об их встрече с чудовищами. В данной статье рассматривается специфика вербализации в тексте мультфильма образа **антагониста** богатыря. Именно в этом образе максимально полно воплощается представление о враждебном человеку «чужом» мире, по соотношению с которым выстраивается основная ментальная оппозиция фольклорного сознания *свой / чужой*⁵.

Основная часть

Антагонист занимает особое место среди противников богатыря: это некая сущность, чуждая ему хтонически, этнически и культурно. На противостояние этим сущностям, по мнению фольклорного сознания, могли быть способны только великие герои – не случайно поэтому в сюжетах о борьбе с чудовищами представлены лучшие, наиболее любимые герои русского эпоса: Илья Муромец, победивший Идолище и Соловья-разбойника, Алеша Попович, одолевший Тугарина, и Добрыня-змейборец. Примечательно, что именно с этих сюжетов начинается цикл мультипликационных фильмов о русских богатырях арт-студии «Мельница».

Сюжеты о противостоянии богатырей чудовищам весьма обстоятельно и глубоко описаны В. Я. Проппом в монографии «Русский героический эпос» (1958). Появление подобного рода чудовищ, по мнению исследователя, является отголоском наиболее ранних представлений мифологического сознания, а по мере усиления идеи борьбы за национальную независимость в былинных текстах появляются внешние враги иного плана – они приобретают все более реальный, исторический характер⁶. Речевые характеристики антагонистов в былинах подчеркивают их зооморфную природу («*Летит Змееще-Горыныче, // О двенадцати змеем о хоботах*»), огромные размеры и непомерную силу («*В вышину ли он, Тугарин, трех сажень, // Промеж плечей кося сажень, // Промежу глаз калена стрела*»), существование за пределами культурно-нравственных законов («*Я сына-то выращу, за него дочь от-*

¹ Более подробно об этом см.: Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: дис. ... д-ра филол. наук. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 575 с.

² Илья Муромец и Соловей Разбойник. 2007. – URL: <https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik> (дата обращения: 28.11.2019).

³ Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 2006. – URL: <https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (дата обращения: 28.11.2019).

⁴ Алеша Попович и Тугарин Змей. 2004. – URL: <http://melnitsa.com/project/alyosha-popovich-i-tugarin-zmey> (дата обращения: 28.11.2019).

⁵ Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец: [б. и.], 2015. – 51 с.

⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Москва: Художественная литература, 1958. – 603 с.

дам, // Дочь-то выращу, отдам за сына, // Чтобы Соловейкин род не переводился») и явную враждебность по отношению к русской земле («Ай татарин да поганый, // Что ль Идолище великое, // Набрал силы он татарский, // Набрал силы много тысяч. // Он поехал нунь, татарин да поганый, // А Идолище великое, // А великое да страшное, // Ай ко солнышку Владимиру»)¹. Эти характеристики в известной мере повторяются в текстах мультипликационных фильмов о русских богатырях, но претерпевают существенные изменения.

Как известно, мотив **змеборчества** относится к числу наиболее распространенных мотивов в мировом фольклоре: не случайно поэтому чудовища из русских былин весьма часто имеют змееподобную природу. К числу наиболее древних сюжетов столкновения богатырей с чудовищами в русском эпосе исследователи относят конфликт **Добрыни Никитича со Змеем Горынычем**. Этот антагонист обладает в русских былинах ярко выраженными чертами летучего Змея, наиболее враждебного человеческой природе существа, являющего собой обобщенный образ хозяина стихий: воды, огня, грозы и гор. Покорение такого врага свидетельствует о том, что человек по мере развития культуры сам начинает овладевать природой и сопротивляться силе этого хозяина. В былинных текстах мотив змеборчества достаточно явно связан с идеей христианства – не случайно Добрыня, лишенный в первом бою со змеем какого-либо оружия, побивает Змея Горыныча «шапкой земли греческой», а местом обитания Змея оказывается огненная Пучай-река, упоминание о которой отсылает к обстоятельствам крещения Руси². В мультфильме же эти сакральные смыслы былинного текста снимаются, кроме того, срабатывает эффект обманутого ожидания: Змей Горыныч оказывается другом богатыря, его «назначили злодеем» киевский князь и алчный купец Колыван, подбросив на место похищения княжеской племянницы Забавы приметный перстень с когтем в качестве основной улики. Змей в мультфильме оказывается фигурой скорее комической: он не умеет летать («*Не умеет летать Горыныч, дедушка его еще умел... а вот он...*»), не способен удержаться от соблазна азартных игр («*Проигрался Колывану в лото*»), склонен преувеличивать свои ратные подвиги («*Да, славная была битва. Ну-у-у, Добрыня ранен был серьезно, и я его к себе взял. Ну вот так и познакомились*»), а Добрыню воспринимает как наставника и друга:

ЕЛИСЕЙ: *Добрыня, а как ты с ними познакомился?*

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ: *Да, смешной случай вышел.*

ЗАБАВА ПУТЯТИШНА: *Смешной!?*

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ: *Да, он под Черниговом морковку с людских огородов воровал. Ну мужики его поймали да скоморохам собирались продать, а я как раз мимо проезжал, ну и выкупил его.*

Ярким проявлением языковой игры в репликах Змея Горыныча становится вербализация его трехголовости как способности каждой из голов выражать самостоятельное мнение:

¹ Цит. по: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1949–1951.

² Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Москва: Художественная литература, 1958. – С. 196–197.

2-Я ГОЛОВА: *Позор, позор! Обмануть друга!*

1-Я ГОЛОВА: *О! Давайте на верблюде поедem – быстрее будет.*

3-Я ГОЛОВА: *А что!? Это мысль.*

2-Я ГОЛОВА: *А как он сказал: «Не может мой друг оказаться вдруг!» Слушайте: не нужно никуда ехать, давайте все расскажем Добрыне. Колыван же обманул нас.*

1-Я ГОЛОВА: *Да, было! Сам князь, говорит, наш план одобрил, врал, выходит. Может, и правда расскажем Добрыне?*

3-Я ГОЛОВА: *Да вы что? Да спит, спит Добрыня, сном богатырским спит. Раньше утра его не добудились – сам знаешь.*

1-Я ГОЛОВА: *Тожe верно, к тому же мы записку оставили на всякий случай.*

3-Я ГОЛОВА: *Ну...*

1-Я ГОЛОВА: *А как утро настанет, мы тут как тут!*

3-Я ГОЛОВА: *И Забава с нами.*

Речевую основу реплик Змея Горыныча составляет бытовой диалог с вкраплениями узнаваемых литературных цитат («*Не может мой друг оказаться вдруг!*» – ср. «*Если друг оказался вдруг // И не друг, и не враг, а так...*» (В. Высоцкий)) и «составленных» реплик военной риторики («*Да ты видно смерти ищешь, богатырь?*»), включение которых комически обыгрывается на протяжении всего текста репликами различных персонажей:

ЕЛИСЕЙ: *Слова героические я уже знаю. Вот смотри: «Не бывать тебе, враг, на Руси-матушке, не жечь, не палить городов русских!» Или вот еще: «Не хвались супостат своей силой темною!»*

Характеристика Змея Горыныча в речи других персонажей мультфильма неодинакова: киевский князь, делегировавший Змею функции главного злодея, именует его резко отрицательно: «*гадина проклятущая*», «*лиходеи проклятуций*», «*супостат*»; Добрыня, сомневаясь в виновности Змея, называет его «*старинным другом*», «*дружищем*», «*братом названным*», а затем, узнав о сговоре Змея с Колываном, использует выражение «*птица божья*», не делая в отношении своего старинного товарища поспешных выводов: «*Ну не может мой друг оказаться вдруг вором... Среди моих друзей предателей нет. Я Горынычу как родному доверяю!*» Разлученные и в конце мультфильма воссоединившиеся влюбленные Забава и Елисей вербализуют определяющие свойства Змея: ученик богатыря пытается выяснить, насколько тот «*страшный*», а Забава, пережив в обществе Змея многие приключения, считает, что он «*храбрый*». Таким образом, пафос борьбы героя со Змеем, наиболее отчетливо представленный в сюжете о Добрыне, одноименный мультфильм практически полностью нивелирует, смещая акценты на борьбу богатыря со сказочным антагонистом (*Баба-Яга*), вероломным правителем (*князь Владимир*) и алчным купцом (*Колыван*).

Борьба **Алеши Поповича с Тугариным** в русских былинах весьма близка к описанию змееборства Добрыни, но вместе с тем у нее есть некоторые отличия. Если бой Добрыни со Змеем происходит дважды внутри одного былинного сюжета, то встреча Алеши с Тугариным, имея две версии: по дороге из Ростова в Киев или уже в Киеве по поручению князя Владимира – в отдельных текстах представлена только одной из них. Былинный богатырь в столкновении с Тугариным демонстрирует иное

поведение: в отличие от Добрыни, согласившегося на уговор со змеем «о ненападении», Алеша не склонен проявлять по отношению к врагу простоту и великодушие. Этот, по мнению В. Г. Белинского, «совершенно национальный русский герой, несколько не похожий на западноевропейских рыцарей; более находчивый, чем сильный»¹, побеждает более сильного врага хитростью и смекалкой. «Алеша действительно обманывает в бою поганое Идолище или Тугарина. Но это не значит, что он трус и обманщик. Он побеждает более сильного противника превосходством своего ума. Всякий другой на месте Алеши погиб бы сам и погубил бы дело защиты, Алеша же благодаря своей сметливости всегда одерживает верх»². Образ Тугарина, обладающий, как и образ Змея Горыныча, зооморфными чертами, уже существенно отличается от него. Этот былинный антагонист начинает терять свои змеиные очертания, демонстрируя смешанные человеческие и звериные черты. Звериное эксплицируется именем персонажа (*Змеище Тугарище, Тугарин Змеевич*), выражается в его способности летать под облаками на бумажных крыльях, человеческая же сущность Тугарина как опасного врага усилена следующими описаниями: как существа непомерной силы и мощи, огненного всадника, владеющего несметными богатствами, циничного и развратного гостя на княжеском пиру, проявляющего в присутствии князя непростительные вольности по отношению к его жене. Наказание Алешей Тугарина, в имени которого усматривается отголосок имени половецкого Тугор-кана, по мнению исследователей русских былин, отражает отношение народа к бесчинствам кочевников и антинародной политике княжеского сближения с ними: «враг принят с почестями, чувствует себя хозяином, а русский великий князь перед ним пресмыкается и раболепствует»³. Выразитель народных стремлений, русский богатырь Алеша Попович положил конец этому позору, унижению князя и его жены.

В мультфильме «Алеша Попович и Тугарин Змей» последний из персонажей не меняет своей функции в тексте, но практически полностью утрачивает зооморфную сущность, которая проявляет себя лишь в некоторых поведенческих чертах (Тугарин рычит, стремительно передвигается на четырех конечностях). В мультфильме это гигантских размеров мужчина монголоидной внешности, он действует в окружении полчищ кочевников, совершающих набеги на Русь. Данную характеристику Тугарина усиливает присутствие в мультсериале еще одного внешнего врага – тощего хана *Бекета*, реплики которого отличает весьма заметный фонетико-интонационный акцент, а их синтаксис стилизован под ломаную речь носителя тюркских языков: «Эй-й, Добрыня, я слышу: идет кто-то. Топ, топ, топ. А это ты. Ах, Колыван – нехороший человек, рассорить нас хотел». В отличие от Тугарина, демонстрирующего в столкновении с богатырем звериную силу и мощь, Бекет весьма коварен – он нападает на менее сильного врага, раболепствуя перед русским богатырем: «Ты не сердчай, Добрыня Никитич. Ну, сам посуди, видано ли дело, чтобы ханы князьям русским дань платили. Да надо мной уже все соседи смеются». Тугарин, свирепый антагонист богатыря, ужасающий своей силой и мощью, в мультфильме оказывается

¹ Цит. по: Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Москва: Художественная литература, 1958. – С. 210.

² Там же. – С. 213.

³ Там же. – С. 224.

побежденным комической «свитой» Алеши Поповича, состоящей из его воспитателя Тихона, невесты Любавы, ее бабки и их животных.

Борьба Алеши с Тугариным сюжетно близка описанию столкновения **Ильи Муромца с Идолищем**, которое В. Я. Пропп считал более поздней переработкой известного сюжета¹. Идолище, являя собой одновременно человека и чудовище, появляется, согласно былинной традиции, либо в Киеве, центре древнерусской государственности, либо в Царьграде, духовной столице православия, нарушая тем самым гармонию «своего» мира в фольклорном сознании. Не акцентируя внимание на религиозных мотивах подвигов Ильи Муромца по устранению внешнего врага, авторы мультфильма перемещают в Царьград другого антагониста – **Соловья-разбойника**, бой с которым также приписывается народным творчеством Илье Муромцу. Этот сюжет значительно шире представлен в былинной традиции, и именно он стал основой третьего мультфильма в «богатырской» серии арт-студии «Мельница».

В фольклорном тексте бой богатыря с Соловьем случается во время поездки героя из родного дома в Киев. В. Я. Пропп считает данный сюжет последним в схватке героев с чудовищами²: об этом свидетельствует не столько героический, сколько авантюрно-занимательный характер сюжета былины. Мифический враг богатыря, Соловей-разбойник, еще в большей степени, чем Змей Горыныч и Тугарин Змеевич, утрачивает свои зооморфные черты (в текстах упоминаются лишь привычка этого противника богатыря гнездиться на деревьях, а также способность членов его семьи оборачиваться птицами), а описание победы Ильи над Соловьем-разбойником сочетается с описанием другого, не менее важного подвига героя – освобождением Чернигова от вражеского войска. Соловей обладает только одним оружием – способностью свистеть с такой силой, что все живое вокруг умирает. Богатырская сила Ильи состоит лишь в том, что он не боится этого свиста и подстреливает Соловья как обыкновенную дичь. Примечательно, что подвиги Ильи Муромца: освобождение Чернигова, очищение дорог на Киев от Соловья-разбойника – киевский князь не оценивает по достоинству, ругает его *«мужиком, деревенщиной, засельщиной»*, обозначая очевидную классовую подоплеку вражды с богатырем.

В тексте мультфильма Соловей-разбойник чрезвычайно мало разговаривает: его основным оружием является способность свистеть, причем Соловей утрачивает данную способность, лишаясь в ходе повествования одного из передних зубов. При этом сущность вредоносной деятельности Соловья – по сравнению с сюжетом былины – принципиально меняется: антагонист похищает княжескую казну и богатырского коня Бурушку – именно за ним в первую очередь и направляется Илья Муромец в Царьград, попутно совершая множество добрых дел. Победа над Соловьем-разбойником, составлявшая суть былинного конфликта, оказывается на периферии сюжета мультфильма, уступая центральное место реализации мотивов возвращения богатства, утраченного друга и похищенной невесты, более свойственных волшеб-

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Москва: Художественная литература, 1958. – С. 226.

² Там же. – С. 244.

ной сказке как частные проявления семантического инварианта ликвидации вредительства¹.

Завершая описание речевой характеристики антагонистов в трех первых «богатырских» мультфильмах арт-студии «Мельница», обратим внимание на те образы, которых принципиально не могло быть в русских былинах. Это противодействующие Добрыне Никитичу в поисках княжеской племянницы традиционный сказочный антагонист Баба-Яга и «новый» противник – алчный купец Колыван. Если образ Бабы-Яги в своем речевом решении достаточно традиционен², то Колыван являет собой весьма удачную авторскую находку. В русском эпосе Колываном именуется один из малоизвестных «старших» богатырей, который, подобно Святогору, обладал непомерной силой и хотел перевернуть земную твердь³. Имя этого персонажа, по мнению М. Фасмера, может быть образовано от сочетания *Kalevanpoika* (фин.) – «сын Калева», нередко используемого для именования героев финского эпоса⁴. В мультфильмах арт-студии «Мельница» Колыван – это алчный и лживый купец, сподвижник киевского князя, воздействующий на него и на других персонажей как взыскательный кредитор: *«Человек он был, прямо сказать, не простой, то ли от богатства злорадия у него была, то ли еще чего, а только много вреда от него народ добрый видывал. А еще говорили, что у него тайная сила была в играх разных»*. Именно Колыван разрабатывает коварный план похищения княжеской племянницы, прагматично мотивируя свой к ней интерес: *«Вот меня хоть возьми, все вроде при мне, а хозяйки в доме нету. Короче, жениться я надумал <...> Да причем здесь любовь-то? Все чин по чину. Я Змей Горыныча зарубил, я тебя освободил – стало быть, тебе замуж за меня идти»*. В речи персонажей мультфильма находит свое отражение неблагоприятная внешность Колывана (ЗАБАВА: *«Ах ты, мухомор старый, пеня трухлявый!»*) и его склонность к стяжательству (БАБА-ЯГА (о прощении долга взамен на изготовление приворотного зелья): *«Эх-х-х-х, Колыван, я, можно сказать, на все ради тебя готова, а ты – половину»*; ДОБРЫНЯ (о бегстве Колывана от справедливого суда): *«Пусть бежит – без расписок своих он никто»*). В речевом поведении самого Колывана также на первый план выходит его скаредность (любому из собеседников купец на всем протяжении мультфильма предлагает один и тот же засохший гостинец: *«Угостись пряником»*) и стремление манипулировать должниками (каждый свой диалог Колыван начинает с предложения собеседнику отыграться: *«Отыграться хочешь?»*) – после чего заставляет с целью уплаты долга выполнять выгодные для себя действия).

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ: ЗАБА-А-А-А-А-ВУ!? Девуцу княжеских кровей? За тебя?

¹ Более подробно см. об этом: Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2018. – 214 с.

² Интертекстуальные связи этого образа, как нам кажется, во многом ориентированы на его представление в «Сказке про Федота-стрельца, удалого молодца» Л. Филатова.

³ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1951. – Т. 3. – № 185.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель, 2009. – Т. 1. – С. 299.

КОЛЫВАН: *Ты дурного не думай, князь. Я как рассудил: ты мне Забаву отдашь, а я про долг забуду.*

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ: *Да что ж я Забаву как вещь продам? Кстати, какой там долг?*

КОЛЫВАН: *Да, по идее, сорок тысяч.*

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ: *Ох-х, да уж, долг немалый. Ой, да казна пуста. Как зять, Колыван, ты мне даже очень симпатичен, честное слово. Да только захочет ли Забава?*

КОЛЫВАН: *А чего ее спрашивать? Раз – и все!*

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ: *Против воли родную кровь...*

КОЛЫВАН: *Сорок тысяч...*

КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ: *Тож же верно.*

Образ Колывана оказался весьма удачной сюжетной находкой авторов мультфильма: не случайно он был растиражирован в интернет-коммуникации, став одним из самых популярных интернет-мемов 2018 и 2019 гг. (КАЛЫВАН¹), с помощью которого пользователи социальных сетей активно обсуждают различные явления социальной и культурной жизни общества.

Выводы

Речевая репрезентация образов антагонистов в мультфильмах арт-студии «Мельница» осуществляется традиционными для вербализации образов персонажей средствами: **личные именованья** антагонистов (*Соловей-разбойник, Колыван, 2GARIN*), их **внешнеречевые характеристики**, стилизованные под фольклорную речь («*Откуда ни возьмись, появился злодей Соловей Разбойник. Ни конному, ни пешему проходу не давал, жег да грабил деревни русские*»), бытовой диалог («*Не умеет летать Горыныч, дедушка его еще умел... а вот он...*») или реплики иной стилистической природы (АЛЕНУШКА (обращаясь к Соловью-разбойнику): «*Что вас заставило встать на скользкий путь грабежа и разбоя?*»), а также **свойства речи самого персонажа** (например, рычание Тугарина, *тюркский акцент* хана Бекета, способность автономных высказываний отдельных голов Змея Горыныча) или **характерные для него коммуникативные действия** (например, свист Соловья-разбойника в сторону противника или навязчивое предложение Колывана угоститься пряником). Вместе с тем в тексте мультфильма происходит заметная трансформация образов персонажей русских былин – в основе этой трансформации обнаруживается стилистический прием бурлескной травести², позволяющий объединить явления различных эпох и культур в единый семиотический комплекс.

Литература

Алеша Попович и Тугарин Змей. 2004. – URL: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey (дата обращения: 28.11.2019).

¹ Об интернет-меме КАЛЫВАН более подробно см.: Memepedia. – URL: <https://memepedia.ru/kalyvan/> (дата обращения: 28.11.2019).

² Москвин В. П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 6. – С. 25–37.

- Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1949–1951.
- Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 2006. – URL: <https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (дата обращения: 28.11.2019).
- Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: дис. ... д-ра филол. наук. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 575 с.
- Илья Муромец и Соловей Разбойник. 2007. – URL: <https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik> (дата обращения: 28.11.2019).
- Карпова В. В. Концепт «чудо» в вологодской волшебной сказке: функции текстообразования, система лексических и грамматических репрезентаций: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: [б. и.], 2018. – 214 с.
- Мифы народов мира. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia (дата обращения: 28.11.2019).
- Москвин В. П. Бурлескный стиль: опыт типологии // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 6. – С. 25–37.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Москва: Художественная литература, 1958. – 603 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель, 2009. – Т. 1. – 588 с.
- Черноусова И. П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале концептосферы волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец: [б. и.], 2015. – 51 с.

References

- Alesha Popovich i Tugarin Zmei*. 2004. [Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent. 2004]. Available at: http://melnitsa.com/project/alyosha_popovich_i_tugarin_zmey (accessed: 28.11.2019).
- Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapissannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onezhskiy bylinas written by A. F. Gilferding in the summer of 1871: in 3 volumes]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949–1951.
- Dobrynia Nikitich i Zmej Gorynych*. 2006. [Dobrynia Nikitich and the Serpent Gorynych. 2006]. Available at: <https://onlinemultfilmy.ru/dobrynya-nikitich-i-zmej-gorynych> (accessed: 28.11.2019).
- Dracheva Iu. N. *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-iazykovye mekhanizmy* [Media image of local oral speech culture: cognitive-language mechanisms: Dr. thesis in Philology]. Vologda: VoGU, 2019. 575 p.
- Il'ia Muromets i Solovei Razboinik*. 2007. [Ilya Muromets and Nightingale the Robber. 2007]. Available at: <https://onlinemultfilmy.ru/ilya-muromec-i-solovej-razbojnik> (accessed: 28.11.2019).
- Karpova V. V. *Kontsept "chudo" v vologodskoi volshebnoi skazke: funktsii tekstoobrazovaniia, sistema leksicheskikh i grammaticheskikh reprezentatsii* [The concept "miracle" in Vologda wonder story: functions of text formation, the system of lexical and grammatical representations: PhD thesis in Philology]. Vologda, 2018. 214 p.
- Mify narodov mira* [Myths of the World]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Mifologia (accessed: 28.11.2019).
- Moskvin V. P. *Burlesknyi stil': opyt tipologii* [Burlesque style: towards a typology]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and language], 2011, vol. 70, no. 6, pp. 25–37.
- Propp V. Ia. *Russkii geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1958. 603 z.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Astrel', 2009, vol. 1. 588 p.

Chernousova I. P. *Iazyk fol'klora kak otrazhenie etnicheskoi mental'nosti (na materiale kontseptosfery volshebnoi skazki i byliny)* [Folklore language as a reflection of the Russian mentality (towards the conceptual sphere of a wonder story and a bylina): abstract Dr. thesis in Philology]. Elets, 2015. 51 p.

Для цитирования: Ильина Е. Н., Тиво В. С. Вербализация образа антагониста: от былины к мультфильму // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 3 (96). – С. 39–48. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-3

For citation: Ilyina E. N., Tivo V. S. Verbalization of the antagonist image: from the bylina to the animated film. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 3 (96), pp. 39–48. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-3